

НА ВЕРШИНЕ

Софье Станиславовне Пилявской — 85 лет

Независимая газ. — 1996 — 22 мая. — С. 7

Вера Максимова

Юбилей

ЧТО Я ЗНАЮ о ней?.. Знаменитая актриса Художественного театра. Младшая из прославленного поколения 20-х годов. В двенадцать лет наблюдавшая с подоконника на втором этаже особняка в Леонтьевском переулке — последнего пристанища и «места работы» Гения — оперные репетиции Станиславского. Ученица его сестры, Зинаиды Сергеевны, и его брата, Владимира Сергеевича, поразившая учителей тем, что за один только год справилась с польским акцентом и заговорила на безупречном русском, старомосковском. (Полька по рождению, аристократка по происхождению, крещенная по католическому обряду, Пилявская имеет три имени: Софья — Аделаида — Антуанетта. Музыкальное их созвучие, иноземная красота как нельзя более подходят ее породистости и горделивой стати). Принятая в Художественный театр с неожиданной легкостью, после нескольких лет занятий в Леонтьевском, Пилявская шла к известности медленно, в мощном окружении своих старших товарищей по поколению. Как явствует из ее мемуаров «По долгу памяти», она не была ущемлена и не страдала от того, что рядом феерически восходили к ранней славе блестящая Степанова и солнечная Андрюшечка, Вера Соколова, унесшая с собой тайну пленительной женственности, и Вера Попова, «коршевка» по корням, не доигравшая во МХАТе многого, единственная его трагическая актриса в советскую эпоху.

На недавней презентации книги Пилявская сказала о себе: «Я не великая, я крепкая актриса Художественного театра». Те же, кто собрался в гостиной Дома актера на Арбате, смотрели на нее — хрупкую и элегантную, в неизменном черном, с седой головой, глазами цвета изумрудной зелени — диковатыми, странными, как бы убегающими к вискам (не оттого ли муж, талантливый актер МХАТа Николай Иванович Дорохин, называл свою жену «шишигой», по-деревенски — колдуньей, вещуньей-предсказательницей?); видели лицо восковой бледности, не знавшее ухищрений макияжа, но только воду и мыло, — и думали о том, что если всего лишь «крепкая» — она, то какими же были те — «драгоценные» старики Художественного?

Из книги ясно, как счастлива была молодая Пилявская присутствием, скромным соучастием в деле и судьбе Великого театра, его атмосферой; как долго длилось счастье и еще дольше — память о нем.

Безыскусная, простая книга (из-за чего-то или из-за кого-то) не выходила долго, появилась — с сокращениями. В ней жизнь актрисы и женщины и бытие Театра нераздельны. И хоть главное время действия — смутные и страшные, нещадно упрощаемые новыми историками МХАТа, «сталинские» годы, в книге есть место радости, и малые радости не противостоят большим. Прекрасными были и талантливые пирушки мхатовских стариков — их пение, воспоминания, их веселые розыгрыши. Прекрасна — своя молодая, безденежная компания. И летнее цветение мхатовского Пестова — дома отдыха и земного рая у воды, в душистых травах и лесах. И пришедшая любовь — с Дорохиным. И первый после подвалов и коммуналок свой дом в мхатовском кооперативе. И дружба с «герцогиней» Художественного театра Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, оберегание уходящей. И эвакуационное, голое, но дружное кочевье. И поездки актерскими бригадами на фронт. И послевоенное, летнее житье с Книппер в Яте и Гурзуфе, в чеховских «уголках», осиянность Чеховым, близостью с последними людьми чеховского времени.

В перечислении малых и больших этих радостей жизнь актрисы кажется полной и счастливой. Между тем, была она даже не трудной — трагической. Отец актрисы, профессиональный революционер, в подвалы Лубянки, в пыточную Сухановскую тюрьму, на расстрел ушел с высокого поста председателя специальной коллегии Верховного суда СССР. Дочь «врага народа», Пилявскую от гибели и изгнания из «правительственного», «режимного», посещаемого вождами МХАТа спас Станиславский и неколебимая поддержка Немировича. (Оскорбительный миф о царедворстве великого режиссера — «изобретение» последнего времени — Пилявская с яростью отвергает). В войну погибли брат и сестра. Под новый, 1954-й год внезапно скончался муж — упал на пороге квартиры Книппер-Чеховой, лицом в ноги, на праздничные туфли 42-летней красавицы-жены. С той поры четыре десятка лет она носит лишь черное, пепельное и белое (траурный цвет королев). Одиночество скрашивают сверстники-друзья и ученики, теперь — известные актеры, живое свидетельство ее многолетнего профессорства в Школе-студии МХАТ.

Как актрису ее долго держали на вводах и во вторых составах. Настенка в «На дне» — ввод. И миссис Чивли в «Идеальном муже» — ввод, и Марбэт — в «Вос-

кресении». Знаменитая ее роль — Александрина Гончарова в булгаковских «Последних днях» — замена другой исполнительницы. Пушкинскую Марину Мнишек так и не привелось сыграть. От Ирины в «Трех сестрах» отказалась сама.

Была реальная опасность — навсегда остаться в тени, выходить на сцену лишь после праздника премьер. Была и другая опасность — превратиться в «костюмную» актрису. Ведь кринолины, веера, душистые длинные перчатки и парики существовали как будто специально для нее. Советский театр, Художественный в том числе, такую именно «миссию» — быть раритетом, эстетическим обломком прошлого — предназначал немногим своим «актрисам-аристократкам».

Ушли, не выдержав безролья в переполненной талантами мхатовской труппе, подруги юности — Полонская, Ольшевская, Вульф.

Она осталась. Упрямство ли, жизнестойкость ли были тому причиной? Или безмерность любви — с детства, с подоконника в Леонтьевском — к единственному театру? Или дар извлечения радости — из творчества, из общения с людьми и природой, даже тогда, когда жизнь гонит и гнет?

Она дружила с легендарной Книппер, ее нежно любили в семье Качаловых, и муж был высоко ценим, в каком-то смысле — влиятелен. Но словно булгаковская Маргарита (которую она особенно почувствовала через дружбу с вдовой писателя, Еленой Сергеевной), Пилявская никогда ничего не просила. Разве что известий о том, жив или погиб ее ничто не подписавший отец. Урок соблюденного достоинства, самостояния человека — один из самых ценных для нас в долгой жизни актрисы. И следование этике, которой нынче нет и в помине. Сегодня говорят: «Ты мне мил и близок, я порадею за тебя». Тогда, в годы долгого и тягостного для Пилявской безролья, Книппер-Чехова сказала: «Если бы ты не была мне близким человеком, я поехала бы в дирекцию говорить о тебе».

У каждого приобщенного к театру человека есть свое, заветное видение красоты. Такое видение запечатлено и в книге Пилявской. На голубом ковре, в брюссельских кружевах и жемчугах перед северским зеркалом, — Лидия Михайловна Коренева словно перламутровый эскиз Мстислава Добужинского, в декорациях которого она столько играла. (Пилявская восстанавливает справедливость в отношении талантливой актрисы, о которой в последние годы писали столько грубого и злого.)

Для меня подобное видение — сама Пилявская...

Помню ее медленный шаг по весеннему Камергеррскому переулку, шествование даже не в театр — в училище, где она учила актерскому мастерству. Учила «собой»...

Помню неразстворимость, заметность Пилявской в многолюдной мхатовской труппе на праздниках и юбилеях.

Помню ее миссис Чивли, ко-

торая нравилась мне больше, чем у великолепной первой исполнительницы Андрюшечки. Там было много женского тепла, неистребимого света, лукавства простолюдинки и авантюристки. С Пилявской — Чивли на сцену вливалось холодное облако опасности. Шлейф шелестел по ступеням, как змеиная чешуя. Траурно кольхались перья шляпы. Угроза и тяжесть слышались в низких интонациях. Она являлась на сцену «черным лебедем», Одиллией — носительницей зла. И стремительно исчезала лишь до поры.

В «Осеннем саду» Лилян Хелман, закатном, последнем актерском пиршестве старого МХАТа, опустошенного смертями великих, в маленькой роли Кэрри она играла светскую куклу, совершенное творение парикмахеров, портных, косметологов и — женщину, мать, пронзенную болью и стыдом за сына.

«Крепкая» — это мало и неточно в отношении Софьи Станиславовны. Сегодня она большая актриса, актриса большого стиля и культуры, обладающая редким на нашей сцене даром воплощать время, среду, безошибочно ритмически ваяя фигуру, пластику и ритм.

С годами чеканное мастерство наполнилось человеческим теплом. Пришла мягкость, всепонижение, рожденное долгой жизнью.

Кинематограф открыл в Пилявской и проникновенного психолога. Так сыграла она в фильме «Все остается людям» жену умирающего ученого. В строжайшем, мхатовском соответствии «физическому состоянию» — несчастье абсолютной глухоты и душевную зречность.

Как многие «красавицы» сцены, к старости Пилявская стала первоклассной характерной актрисой. В «На всякого мудреца довольно простоты» она, а не он — Олег Стриженов — была подлинным Глумовым, хоть и «в юлке» — азартная, бесстрашная, неутомимая в хамелеонстве.

В лагерьнице Нетте из «Московского хора» Петрушевской — не было типажа, была судьба, мировоззрение сектантки-революционерки, оставшейся в давно прошедшем времени, патетически нетерпимой к новому и вызывающей сострадание.

Мне нравится, как актриса живет сегодня, не доигрывает, а играет все новые роли: баронессу Мину (подлиннейшую из всех баронесс) в «Красивой жизни», сумасшедшую барыню в «Грозе». Мне нравится, что она репетирует — второй раз за всю жизнь чеховскую роль, после Марьи Васильевны Войничкой — няньку Анфису в готовящихся «Трех сестрах». Резкая, правдивая, (взяла вдрут и перестала здороваться с человеком, обижаящим не ее, а ее театр), и нежная, верная. К Олегу Ефремову, например, которого защищает упрямо, считает большим человеком и великим артистом.

Мне нравится, что она путешествует, ездит с мхатовцами на гастроли. Была в раскаленной летней жаркой Греции и в Сибири. Проплыла Волгу и Енисей, увидела, наконец, город своего детства Красноярск, где жил политическим сыльным до революции ее незабвенный отец.

Мне нравится, как ефремовский МХАТ относится к своей старшей актрисе — трогательно и почтительно, но без оскорбляющего снисхождения. Слово к молодой. Уморительно было видеть, как волей режиссера в горьковских «Варварах» возведенная на вершину ломаной и изощренной конструкции, она — Богаевская — стояла в ироническом раздумьи — падать ли в бездну или попытаться спуститься вниз.

Прожито 85 лет жизни, исполненной во всю меру сил и — продолжающейся. А потому — здоровья и дел замечательной актрисе.